

С детства окружённый чиновниками, он не имел никакого духа противоречия, учился очень усердно, словно готовился к императорскому экзамену. Выросший во дворце, где родители, братья и сёстры жили в роскоши, не имея ни одного бедного родственника, он был очень бережлив. Ходили слухи, что в детстве он был своенравен, но теперь он стал настолько приветливым, что даже немного терял в авторитете, и никто в правительстве и за его пределами не боялся императора.

Однако иногда он проявлял упрямство, например, в вопросе строительства пушек, ради которых он даже обманул учителя Се Цзина, Сюй Чэна.

Единственное, что он просил у Лю Дая, — это Се Цзина, но в итоге Се Цзин, кроме увеличения нагрузки, не получил особых преимуществ и до сих пор занимал только четвёртый ранг, редко получая награды.

Маленький император всегда относился к Лю Даю с большим уважением, в важных государственных делах он следовал мнению Внутреннего кабинета, а мнение Внутреннего кабинета было мнением Лю Дая.

В правительстве, независимо от того, кто что говорил, будь то хорошее или плохое, даже если кто-то ругал его, император не проявлял недовольства.

Лю Дай считал, что этот император либо глуповат, либо невероятно хитёр, и его мнение колебалось между этими двумя крайностями.

Он мог думать о том, о чём думал император, и беспокоиться о том, о чём беспокоился император, но не зная пределов императора, он не мог найти ключевое оружие для борьбы с противниками.

На самом деле, этому его учил Хэ Сянь.

Хэ Сянь говорил, что если император отчитает чиновника, высказавшего своё мнение, то остальные будут это помнить и трижды подумают, прежде чем говорить.

Таким образом, это не способствует открытому выражению мнений, и если долго слушать только одно, то обязательно возникнут проблемы, и можно будет оказаться обманутым, как это было с Ху Юаньтаем.

Хэ Сянь объяснил это очень просто, и Чжу Линсы легко понял.

На самом деле, открытость для мнений требует от императора очень многого: широты взглядов, богатых знаний, глобального мышления, сильных аналитических способностей и хорошего физического здоровья, чтобы не подскочило давление от нескольких оскорблений.

Чжу Линсы, зная свои ограничения, упростил наставления Хэ Сяня до четырёх слов: «Не отвечай на оскорбления».

Конечно, у «не отвечай на оскорбления» Чжу Линсы были и объективные причины.

Во-первых, в плане словарного запаса он, хотя и старался, всё ещё отставал от элиты, сдававшей императорские экзамены, особенно когда они увлекались и начинали говорить с использованием параллелизмов, что звучало очень впечатляюще. Чжу Линсы мог только молчать и восхищаться.

Во-вторых, даже когда эти люди ругали императора, они делали это очень изысканно, обычно используя аллюзии. Чжу Линсы не мог запомнить все эти аллюзии, и к тому времени, как он понимал, хвалят его или ругают, время для ответа уже было упущено.

Хэ Сянь, хотя и не мог стать чиновником из-за проблем со здоровьем, всё же был образованным человеком и, обучая Чжу Линсы, подсознательно вкладывал в него свои политические идеалы: император, который в любой ситуации мог выслушивать советы, был широк душой и никогда не мстил тем, кто его критиковал.

Однако Хэ Сянь, не посещая дворцовых собраний, не мог почувствовать атмосферу и упустил одну вещь.

Он не сказал, как императору справляться с психологическими проблемами, когда его ругают.

Если бы Се Цзин знал, что именно из-за этого император постоянно обижал себя, он бы обязательно заставил Чжу Линсы заниматься.

Лю Дай, хотя и не мог понять Чжу Линсы, обнаружил у него одну смертельную слабость.

Он понял, что император был очень слабым человеком.

Чжу Линсы очень боялся, когда в меморандумах появлялись сообщения о жертвах, будь то голод, война или тюрьмы. Как только он слышал, что кто-то погиб, его лицо становилось очень мрачным.

Его выражение было таким, словно он действительно был виновен.

Император, выросший во дворце, почти никогда не выходил наружу, и жертвы в меморандумах должны были быть для него просто цифрами, но он воспринимал их, словно видел их своими глазами, даже если это были далёкие и неподтверждённые цифры.

Такого императора Лю Дай не мог назвать любимым, но и не ненавидел. Если бы его заменили, например, на князя Ци, это не обязательно было бы лучше.

Теперь, когда Лю Дай дочитал меморандум до конца, он увидел подпись: главный судья Храма Дали Цзя Пэнчэн.

Цзя Пэнчэн был первым на экзаменах в первый год Лунцзя, и, естественно, был человеком Сюй Чэна.

Лю Дай невольно погладил бороду.

Такая крупная фигура в первом же ходу — какие ещё козыри есть у Сюй Чэна?

За эти годы обвинительных меморандумов против Лю Дая было не меньше тысячи, и предыдущий император, и нынешний, оба их просто игнорировали.

Он не верил, что этот трусливый император осмелится тронуть его.

Меморандум Цзя Пэнчэна Лю Дай прочитал и передал Сюй Чэну.

Сюй Чэн, будучи опытным, конечно, ничего не сказал, но Чжан Тао, увидев его, взбесился. Он и так был вспыльчивым, а тут, увидев атаку на Лю Дая, сразу взорвался.

Хэ Е, только что вошедший в кабинет, ещё не имел права голоса и просто молча прочитал.

Меморандум был запечатан и передан императору.

Следующие три дня ничего не происходило, и Лю Дай думал, что император оставил меморандум без внимания. Конечно, на этом всё не могло закончиться, и Цзя Пэнчэн, который так любил искать недостатки, не должен был рассчитывать на великое будущее.

Думая, что всё пройдёт спокойно, как обычно, на четвёртый день, сразу после часа Инь, Лю Дай, как обычно, повёл всех чиновников ждать утреннего собрания у ворот Умэнь.

В Зале Уин чиновники выстроились в ряды, и вскоре раздались три удара хлыста, император взошёл на трон. Он выглядел спокойным и мирным, взглянул на всех присутствующих, и кто-то вышел вперёд, чтобы начать доклад.

В последнее время в Поздней Мин было довольно спокойно, на реках Янцзы и Хуанхэ не было крупных катастроф, и, похоже, в этом году все будут сыты. Можно сказать, что это был немного богатый год.

Поэтому государственные дела были в основном рутинными. Чжу Линсы слушал, время от времени кивая с одобрением, но в душе он тихо размышлял, сможет ли план Се Цзина осуществиться.

Когда он впервые узнал, что император хочет участвовать в его плане, Се Цзин был удивлён.

Сюй Чэн, конечно, был в восторге. Он, как и Лю Дай, хорошо знал, что императорская власть — единственное оружие, способное повлиять на политическую борьбу, но он, считая себя высоконравственным, не хотел идти на компромиссы ради достижения цели.

А Чжу Линсы, который всегда в важных государственных делах никому не хотел перечить и любил быть миротворцем, полагаясь на Лю Дая, не вызывал у Сюй Чэна особых ожиданий.

Теперь же император предложил помочь — это было как манна небесная. Сюй Чэн не мог не радоваться.

Се Цзин же колебался.

Лю Дай совершил такие вещи, и Се Цзин был уверен, что сможет победить его в правительстве, но если император вмешается, то его могут обвинить в предвзятости и клевете на верного слугу.

Партия Лю в правительстве была очень влиятельной, и это нельзя было игнорировать.

Искусство управления заключается в балансе. Все мудрые императоры наблюдали, как их министры рвут друг друга на части, изматывают себя, а в конце падают на колени и говорят: «Ваше Величество, вы мудры».

Теперь Чжу Линсы решил лично вмешаться, и Се Цзин за него волновался.

Сюй Чэн чуть не рвал на себе волосы.

— Цзюшэн, до каких пор ты будешь думать, что не нужно втягивать императора? Ты считаешь императора ребёнком, но подумай, какой император сможет терпеть такого человека, как Лю Дай.

По мнению Сюй Чэна, Чжу Линсы невзлюбил Лю Дая после того, как начал править самостоятельно, желая вернуть власть, узурпированную главным советником, а все эти покушения и дела с Бэйсяном были лишь предлогом.

Только Се Цзин знал, что это было не так. Если бы не тайные связи Лю Дая с Бэйсяном, то даже учитывая его способности и некоторый талант, а также годы служения, император продолжал бы его терпеть.

Но он не мог объяснить это Сюй Чэну, даже сам не мог поверить, что император может быть настолько великодушным.

Но он знал Чжу Линсы.

Поэтому, хотя он и колебался, не желая, чтобы император столкнулся с Лю Даем, но раз Чжу Линсы этого требовал, Се Цзин знал, что он уже принял решение.

Через полчаса на сегодняшнем утреннем собрании все чиновники, которые хотели выступить, уже закончили, и все думали, что собрание закончится, но неожиданно император приказал принести одну вещь.

Это был обвинительный меморандум Цзя Пэнчэна против Лю Дая.

Основное обвинение Цзя Пэнчэна заключалось в том, что Лю Дай плохо воспитывал своих сыновей.

Это было довольно удручающе. У Лю Дая было три сына: старший, Лю Мян, служил в Нанкине; второй, Лю Вэй, находился в Шаньдуне, якобы готовясь к экзаменам, но на самом деле был деревенским тираном; а младший, Лю Жун, был рядом с ним, и, как уже говорилось, тоже вызывал раздражение.

Две трети из них были проблемными.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16200/1454111>